

М. Ю. Ульянов

Институт стран Азии и Африки при МГУ

Институт востоковедения РАН

DOI 10.34887/PV.2023.96.12.014

**«МАССОВАЯ» ШКОЛА ДЛЯ ПОДГОТОВКИ
СЛУЖИЛЫХ В ПЕРИОД ЧУНЬЦЮ (771—453 до н. э.):
ХАРАКТЕРИСТИКА В КОНТЕКСТЕ
КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА**

Благородный и ответственный жанр юбилейной статьи позволяет автору, чуть отойдя от присущих академическим работам строгой аргументации и стройности изложения, поразмышлять над результатами своих предыдущих исследований¹. Систематизируем же и обобщим полученные ранее выводы и наблюдения в отношении развития «школы» как социального и культурного института одного из периодов в древней истории Китая — Чуньцю (771—453 до н. э.). Наша задача состоит в том, чтобы охарактеризовать новую школу (названную «массовой») и попытаться зафиксировать культурные изменения, которые происходили при переходе от одной эпохи к другой: от Западного Чжоу (1027—771 до н. э.) к Чуньцю и от Чуньцю к Чжаньго (453—221 до н. э.).

Пользуясь случаем, поздравляю Вас, Марина Евгеньевна, с юбилеем. Выражаю свое восхищение Вашей преданностью изучению литературы, истории и культуры древнего и средневекового Китая, Вашей последовательностью и настойчивостью в исследовании сложнейших тем, Вашим умением сказать о главном просто и ясно. Благодарю Вас и за неизменное внимание к нашей молодежи, к которой когда-то давно принадлежал и я сам.

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья написана в виде набросков и размышлений; в значительной степени это отклик на замечательную коллективную монографию, которая была инициирована Мариной Евгеньевной Кравцовой еще в 2012 г. и называлась: «Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая». Для этой книги ею были написаны введение и основной теоретический раздел «Истоки и основные этапы формирования института верховной власти и официаль-

¹ Приношу извинения за то, что чаще буду ссылаться на собственные работы.

ной идеологии», в котором рассмотрен период от Шан-Инь до Шести царств, с XIV в. до н. э. до VI в. н. э.¹ Попытаемся восполнить лакуну, неизбежную в исследовании такого масштаба. В центре нашего внимания будет одна из переходных эпох, которая пришлась на рубеж VI—V вв. до н. э. — на вторую половину периода Чуньцю.

Мы понимаем, что вступаем в сферу обобщений достаточно общего плана, поэтому свободная форма статьи представляется наиболее подходящей. Изложим некоторые наблюдения, возникшие в ходе исследований различных аспектов истории периода Чуньцю, связанных с таким общественным институтом, как «школа». Интерес к этой теме обусловлен тем, что через нее так или иначе преломлялись важнейшие процессы в политической, социальной и культурной (а, значит, и в религиозной) сферах. В том числе и те, о которых писала М. Е. Кравцова, описывая этапы «формирования института верховной власти и официальной идеологии».

В предшествующих работах мы рассмотрели исторические обстоятельства возникновения «массовой» школы на рубеже VI—V вв. до н. э. в царстве Лу при участии Кун-цзы (孔子, 552—479 до н. э.). В них упор был сделан на двух аспектах: 1) на особенностях протекания политической борьбы в царстве Лу (политический процесс); 2) на социальных трансформациях, связанных с появлением новой социальной группы служилых (*shi* 士), происходивших из разных слоев общества (социальный процесс)².

Мы исходим из того, что каждый из четырех исторических процессов, будь то политический, социальный, экономический или культурный, безусловно заслуживает индивидуального подхода и должен рассматриваться отдельно. Но при этом их нельзя и отрывать друг от друга, эффективнее рассматривать их в совокупности, выделяя один в качестве приоритетного.

В центре внимания данной статьи — культурный процесс, связанный с появлением первой «массовой» школы. Поскольку как социальный и культурный институт она была подвержена влиянию всех этих исторических процессов, то ее рассмотрение позволяет яснее видеть и четче описывать каждый из них. Именно «школа» может быть использована как своеобразная «точка сборки» при систематизации данных, сохранившихся в источниках.

¹ Процесс формирования официальной идеологии имперского Китая / Сост. М. Е. Кравцова. СПб., 2012. В написании монографии также принимали участие: А. Э. Терехов, Е. О. Бурцева, А. А. Манучарова, К. Ю. Солонин, А. Д. Зельницкий.

² Ульянов М. Ю. «Массовая» школа для подготовки служилых в период Чуньцю (771—453 гг. до н. э.): Часть 1. История возникновения в контексте биографии Кун-цзы (552—479 гг. до н. э.) // Китай: общество и культура. 2022. Т. 1. № 2. С. 67—84.

Для изучения процессов в культурной сфере, поскольку речь идет о таком периоде древности, который все же далеко не достаточно подкреплён данными письменных источников, нами были введены понятия-посредники: «школа» и «культурная среда». Из них понятие «школа» в значении социального и культурного института (а не направления общественной мысли) часто используется специалистами по древней и средневековой культуре¹. Понятие «культурная среда» в исторической литературе встречается реже, к нему тяготеют скорее искусствоведы². Это тот минимальный инструментарий, который необходим для фиксации наблюдений и теоретических обобщений по данной проблематике.

Ранее было высказано предположение о том, что «массовая» школа зарождалась в период Чуньцю из опыта более ранних школ — «храмовой» и «дворцовой», которые сосуществовали со времени возникновения государства³. В «храмовой» школе обучались будущие священнослужители, в «дворцовой» — дети высшей знати и отпрыски наиболее родовитых семей, и некоторые из них становились высшими гражданскими управленцами и военачальниками⁴. В «массовой» стали готовить служащих, способных заниматься управлением на разных должностях как в столице, так и в провинции. Кроме того, именно в такой школе могли появиться мыслители («философы»).

¹ Список литературы очень велик. Выделим: *Безрогов В. Г.* Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. М., 2008; *Дьяконов И. М.* Люди города Ура. М., 1990; *Коростовцев М. А.* Писцы Древнего Египта. СПб., 2001. *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. М., 1965. С. 18—19; *Томашевич О. В.* Воспитание и обучение на берегах Нила // История образования и педагогической мысли в эпоху Древности, Средневековья и Возрождения. М., 2004; *Шарпен Д.* Чтение и письмо в Вавилонии. М., 2009.

² Понятие «культурная среда» раскрывается в теоретических трудах А. Я. Флиера. См.: *Флиер А. Я.* Избранные работы по теории культуры. М., 2014. Наш подход к его пониманию был сформулирован в ряде работ: См.: *Ульянов М. Ю.* О понятии «культурная среда» и особенностях создания письменных произведений в период Чуньцю (771—453 гг. до н. э.) // Ломоносовские чтения. Востоковедение: Тезисы докладов научной конференции (Москва, 20 апреля 2015 г.). М., 2015; *Ульянов М. Ю.* К характеристике процесса сохранения исторической памяти в Древнем Китае периода Чуньцю (771—453 гг. до н. э.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. М., 2016.

³ Основные этапы создания школы в контексте политической борьбы описаны нами в ст.: *Ульянов М. Ю.* «Массовая» школа для подготовки служилых в период Чуньцю (771—453 гг. до н. э.): Часть I. С. 74—80.

⁴ *Ульянов М. Ю.* «Дворцовая» школа в царствах Восточной Азии: к характеристике социальных и культурных процессов первой половины периода Чуньцю (771—453 гг. до н. э.) // 49-я научная конференция Общество и государство в Китае. Ученые записки Отдела Китая. Выпуск 30. Т. XLIX. Ч. 2. М., 2019. С. 28—62.

Задача статьи в том, чтобы на примере первой «массовой» школы царства Лу, о которой известно благодаря беспрецедентному росту исторической информации в источниках вокруг фигуры Кунцзы, описать некоторые характерные черты новой школы, в том числе, связанные с особенностями возникновения новой культурной среды, которая была названа «интеллектуальной», а также охарактеризовать некоторые изменения в культуре, которые происходили с возникновением новой школы.

О ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «МАССОВОЙ» ШКОЛЫ

Во второй половине VI в. до н. э. сложился целый ряд исторических предпосылок и благоприятных условий для возникновения «массовой» школы.

С точки зрения политического процесса, завершалось формирование общего геополитического пространства, объединявшего север и юг Восточной Азии как «двуединого» исторического региона. Собственно, «массовая» школа и возникла в результате глубинных политических и социальных трансформаций в царствах Восточной Азии, характерных для периодов Чуньцю и Чжаньго.

Тогда же происходили и фундаментальные социальные изменения; аристократические кланы, члены правящих династий утрачивали полноту власти, обществу все более требовались служилые, социальное происхождение которых не имело первостепенного значения. Их место в аппарате управления во многом определялось профессиональной подготовкой, которую они могли получить именно в «массовой» школе.

Характеризуя культурные предпосылки появления новой школы, отметим, что изначально грамотности учили в «храмовой» и «дворцовой» школах. Письменный язык был сакрализован. Владение письмом было необходимо для части жречества, как способ сакральной коммуникации с божествами. Но поскольку основной запас духовного наследия изначально хранился в памяти, то в этой среде долгое время умение запоминать было важнее умения читать. Владение письмом было характерно и для значительной части аристократии, вовлеченной в управление и культурный процесс.

Во второй половине Чуньцю (с середины VI в. до н. э.) письменная культура, не переставая быть элитной, получала все более широкое распространение среди различных слоев населения — ее носителем мог быть уже не только аристократ и царедворец, но и представитель средних и даже сравнительно низких слоев общества.

Расширялась сфера использования письменности. Развитие культуры подошло к более широкому, чем ранее, использованию письменных текстов. К концу периода Чуньцю в качестве носителя все большее распространение получали бамбуковые планки. Одновременно шел процесс систематизации, унификации и упрощения иероглифики. Все это вело к тому, что возникала возможность записи текстов сравнительно большого объема. Появлялись условия для записи хотя бы части того, что хранилось в памяти священнослужителей, и переписывания того, что хранилось и истлевало в дворцовых и храмовых архивах; а затем, конечно, и развернутой записи сложных мыслей и идей. Благодаря этому письменные сочинения стали занимать все большее место в культуре, росло число их авторов, а также пользователей, кто читал, хранил и переписывал такие сочинения.

В этом отношении переработка книжного наследия и ввод в педагогическую практику обновленных сборников классических произведений, выполненных Кун-цзы, вполне отвечали духу времени.

Конечно, все эти элементы культурного процесса развивались довольно медленно, поэтому применительно к периоду Чуньцю можно говорить скорее о тенденциях, которые, впрочем, уже приняли необратимый характер.

I. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ «МАССОВОЙ» ШКОЛЫ

В «массовой» школе был использован и обобщен опыт всех трех предшествующих школ, порожденных более древними культурными средами: «храмовой», «дворцовой» и «общинной». Рассматривая ее, можно выделить некоторые специфические черты, характерные для периода Чуньцю.

ОСНОВНАЯ ОСОБЕННОСТЬ ШКОЛЫ: СИНТЕЗ КУЛЬТУРНЫХ СРЕД

Механизмы синтеза. Проведенное ранее исследование показало, что новая школа появилась благодаря отрыву от «дворцовой» среды и возникла она при дворе, но не монарха, а главы конкурирующего в борьбе за высшую власть в царстве наиболее влиятельного клана его родственников; затем перешла ко двору, но уже не в качестве «дворцовой» школы, а некой иной, приобретя в скором времени черты новой школы¹. Вне двора монарха она и стала «массовой», направленной на подготовку управленцев, готовых служить тому,

¹ Ульянов М. Ю. «Массовая» школа для подготовки служилых в период Чуньцю (771—453 гг. до н. э.): Часть I. С. 80—81.

кто возьмет их на службу. Этот отрыв и произвел своего рода «культурный переворот»: возникла новая среда — «интеллектуальная». А на базе этой школы уже в скором времени стали проявляться две ее ипостаси — «чиновничья» и «философская».

Соответственно, изначально «массовая» школа формировалась как аналог «дворцовой» школы, но при этом в основу преподавания в ней были положены тексты произведений в основном из «храмовой» и наиболее сакрализованные тексты «дворцовой» среды, а свободная, не скованная сословными условностями манера преподавания и способность существовать без тесной привязки ко двору или храму перешли в нее из «общинной» среды¹. При этом, в отличие от более ранних школ, для «массовой» школы было характерно отсутствие жесткой привязки к институциональным структурам, таким как двор, храм, село (община). Итак, вольно или невольно, старые нормы обучения оказывались искажены, но благодаря этому возникали новые формы преподавания.

В этой связи важно отметить, что особенность социального положения Кун-цзы как основателя первой известной «массовой» школы заключалась в том, что он имел отношение ко всем этим трем средам, не принадлежа целиком ни к одной из них. Он жил и преподавал в «общинной» среде, служил при дворе сначала аристократа, затем монарха и на протяжении жизни общался со священнослужителями и учился у некоторых из них. Он смог отобрать наиболее значимые учебные произведения именно благодаря тому, что в течение жизни имел возможность общения с представителями всех трех сред («дворцовой», «храмовой» и «общинной»), в которых накапливались важнейшие знания и сохранялся культурный багаж.

Изменения в подходе к церемониалу. Содержание образования и подходы к обучению и воспитанию в «массовой» школе отличались от таковых в других школах, в которых передавался иной опыт поведения в обществе. Однако всех их объединяло повышенное внимание к церемониалу.

В школе «храмовой» предполагалось обучение тонкостям проведения многочисленных религиозных церемоний.

В школе «дворцовой» обучение церемониалу было связано с этикой поведения аристократа, основанного на превосходстве интересов своего клана. И соотносилось с понятием благопристойного, то есть должного поведения аристократа (*ли* 禮). В ней основное внимание уделялось формальной стороне церемоний: знанию порядка

¹ Некоторые дополнительные данные см. в кн.: Ульянов М. Ю. Кун-цзы (552—479 гг. до н. э.): создание массовой школы и работа над комплексом учебных текстов // Конфуций. Лунь Юй. Беседы и суждения / Пер. с кит. В. В. Башкеева. М., 2023. С. 35—50.

ритуальных действий, воспитанию изысканных манер и навыков поведения при дворе. Здесь обучали придворному этикету, изощренным придворным ритуалам, призванным подчеркнуть величие государя и силу государства.

А в «массовой» школе готовили управленцев-практиков, воспитанных в духе преданности тому, кому они в данный момент были подчинены. Там давали знания церемониала (но не придворных манер). Задача учителей «массовой» школы заключалась в том, чтобы выстроить новую иерархию в церемониале — теперь это был церемониал, регулирующий взаимодействие не государей царств и высшей знати, а представителей служилого сословия. И не только на службе, но и в любой сфере социальной жизни. Церемонии, отправляемые в присутствиях, не носили столь пышного и торжественного характера, как при храме и при дворе, не играли в жизни чиновника столь важной роли, как при дворе, но вносили упорядоченность в жизнь и работу бюрократии, дисциплинировали ее представителей. Поэтому обучая порядку проведения церемоний, учили использовать их для собственного физического и нравственного самосовершенствования¹.

«МАССОВАЯ» ШКОЛА И НОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

Возникновение новой школы вело к формированию новой культурной среды — «интеллектуальной», которую образовывали ее учителя, ученики и выпускники. Эта новая культурная среда начала формироваться со второй половины VI в. до н. э.

Как представляется, в первой половине периода Чуньцю «интеллектуальной» культурной среды еще не было, но был ее аналог, находившийся на стыке «храмовой», закрытой и консервативной, и «дворцовой», прагматичной и деловитой (чаще, конечно, лицемерной, двуличной) культурных сред. Ее в основном составляли представители придворных кругов из числа высшей знати. В период Чуньцю преподаватели и выпускники «храмовой» и «дворцовой» школы (священнослужители, царедворцы и военачальники) являлись «интеллектуалами» своего времени. Но это не основная их культурная характеристика, они были частью традиционного общества с присущими ему ограничениями. Священнослужители были ограничены жесткими нормами культовой практики храма, царедворцы и военачальники — ритуальными и этическими нормами двора со всеми его условностями, которые было непозволительно нарушать.

¹ Благодарю А. С. Рысакова, который обратил мое внимание на это обстоятельство.

Сами по себе эти две среды не могли породить новый культурный институт, который позволил бы вывести знания за их пределы, придать импульс их развитию. Для этого в новых исторических условиях должна была возникнуть новая школа, которая могла бы синтезировать лучшие достижения двух более ранних школ и развивать их.

«Интеллектуальная» среда была ближе к «дворцовой», чем к «храмовой», но имела ряд существенных отличий от нее. Если «дворцовая» среда для каждого царства была индивидуальна, то «интеллектуальная» — универсальна.

В «массовых» школах обучались будущие служилые люди, поэтому можно поставить вопрос: а могли ли они формировать свою «чиновничью» культурную среду? Представляется, что изначально служилые отдельной культурной среды не образовывали, их было сравнительно мало и большинство тяготело к «дворцовой» среде. Находясь на службе у царей или аристократов царств периодов Чуньцю и Чжаньго, они вливались в нее. «Дворцовая» среда явно оставалась доминантной.

Однако «интеллектуальная» культурная среда оказалась шире замкнутой «дворцовой» и более открытой. Поэтому выпускники «массовой» школы могли одновременно существовать в двух этих средах: в «дворцовой», если они служили, и в «интеллектуальной», если они совершали какие-либо значимые с точки зрения культуры деяния. Этому способствовало то, что в отличие от «дворцовой» «интеллектуальная» среда была локализована не только в столицах царств, но охватывала все те места в провинции, где проходили службу выпускники новой школы. Это способствовало ее расширению. Представители «интеллектуальной» среды появлялись там, где раньше не было никаких культурных сред, кроме «общинной». Соответственно, «интеллектуальная» культурная среда обогащалась не только за счет багажа «дворцовой» среды, но могла включать в себя и элементы культуры «общинной» среды — отсюда столь большое внимание к фольклорным песенно-поэтическим произведениям сборника стихов-*ши* (詩經 «Ши цзин» «Книга песен»). И именно эта культурная среда, не знавшая ни государственных, ни социальных, ни этнических границ, породила все то многообразие и богатство философской мысли периода Чжаньго, которое и поныне составляет фундамент китайской общественной мысли.

ДВУЕДИНАЯ ПРИРОДА «МАССОВОЙ» ШКОЛЫ

Специфика «массовой» школы в том, что она состояла из двух взаимосвязанных структур: широкодоступной, предназначенной для подготовки «чиновников», и связанной с ней «философской», более закрытой и камерной, откуда выходили мыслители. Этому способ-

ствовали исторические обстоятельства, а также масштаб личности Кун-цзы и задач, которые он ставил. Эти две ипостаси «массовой» школы в определенной степени можно считать аналогами двух старых культурных сред: «дворцовой» и «храмовой», но на новом историческом этапе.

Можно полагать, что их разделение началось в период бегства Кун-цзы из Лу и во время его странствий (497—484 до н. э.). В тот период сама его школа как институция для подготовки служилых (т. е. чиновничья ее ипостась) вместе с теми, кто учился для того, чтобы начать карьеру служилого, осталась в Лу, а те ученики, которые стремились продолжить обучение у него как мыслителя, уехали с ним. Благодаря этому и образовалась более сложная культурная институция, ставшая прообразом «философской» школы.

Хотя обе эти ипостаси были взаимосвязаны и развивались из одного источника, но пути их постепенно расходились. В «массовой» школе обучение будущих чиновников носило массовый характер, а будущих мыслителей — индивидуальный, поэтому многие из них остались известны по именам. «Чиновничьи» школы носили неэлитарный характер, а «философские» не могли не быть элитарными, но уже в ином, чем ранее, понимании этого слова — не с точки зрения социального происхождения, а с точки зрения профессиональных занятий интеллектуальной деятельностью.

Далеко не все ученики «массовой» школы желали стать мыслителями. Большинство получало знания, чтобы в будущем поступить на службу. Здесь преобладали люди, нацеленные на практическую работу и на продвижение по карьерной лестнице. Это видно из биографий учеников Кун-цзы — тех, кто мог сам преподавать или посвящал жизнь исследованию древних произведений, оказалось меньшинство, зато многие посвятили себя службе, занимая самые разные посты в различных царствах вплоть до первого министра¹. Мыслителями стали всего несколько человек, из них лишь немногие основали свои школы; еще меньше тех, кто специализировался хотя бы на одном классическом произведении из включенных в программу обучения в «массовой» школе.

РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ХРАМОВОЙ СРЕДЫ В СТАНОВЛЕНИИ «МАССОВОЙ» ШКОЛЫ

Насколько можно судить, именно представители «храмовой» культурной среды оказали наибольшее влияние на формирование личности Кун-цзы. Общение с ними во многом определило его миро-

¹ *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / Пер., коммент. Р. В. Вяткина. Т. 9. М., 2010. С. 165—166.

воззрение и позволило ему найти точку опоры в педагогической практике и в жизни в целом. В этом отношении общение с жречеством имело большее значение, чем общение с образованными царедворцами, поскольку жрецы знали значительно больше и о мире, и о прошлом.

Но жрецы не всех категорий были доступны для общения: так старшие жрецы *чжу* 祝, жрецы-историографы *даши* 大史 и толкователи результатов гаданий с помощью листьев тысячелистника *ши* 史 явно принадлежали к верхам общества, они организовывали и обслуживали наиболее важные государственные культы в постоянном контакте с высшей властью¹. Эти жрецы находились на социальной высоте, недостижимой для учителей «массовой» школы. Наиболее доступными были жрецы-музыканты *ши* 師, принадлежавшие к разным слоям общества. Кун-цзы на протяжении всей жизни поддерживал общение со жрецами этой категории; в юности и в молодые годы он учился исполнению на музыкальных инструментах наиболее значимых произведений под руководством *ши* по фамилии Сян, а в зрелости беседовал с ними, приглашая к себе в дом².

КУЛЬТУРА «МАССОВОЙ» ШКОЛЫ И КУЛЬТУРА ДВОРА

Специфика «массовой» школы во многом была обусловлена тем, что двор главы клана был менее сакрализован, чем двор монарха. Соответственно, не только программа обучения, но и сама обстановка в такой школе была значительно менее скована придворным церемониалом, и в ней не было принято с пренебрежением относиться к простолюдинам и низшей знати.

¹ Подробнее см.: Ульянов М. Ю. Старшие жрецы *чжу* при дворах правителей царств периода Чуньцю (771—453 гг. до н.э.): по данным *Чунь цю Цзо чжуань* // 45-я научная конференция Общество и государство в Китае. Ученые записки Отдела Китая. Выпуск 18. Том. XLV. Часть 2. М., 2015; Ульянов М. Ю. Жрецы *ши* 史 при дворах правителей царств периода Чуньцю: по данным Чуньцю *Цзочжуань* и *Го юй* // 46-я научная конференция Общество и государство в Китае. Ученые записки Отдела Китая. Выпуск 21. Том. XLVI. Часть 2. М., 2016; Ульянов М. Ю. «Историографы» *даши* при дворах государей ряда царств периода Чуньцю (771—453 гг. до н.э.) по данным *Чунь цю Цзо чжуань* («Комментарий Цзо к "Вёснам и осеням"») // Восток-Запад: Историко-литературный альманах. 2011—2012. М., 2013.

² Ульянов М. Ю. Ши 師 в период Чуньцю (771—453 гг. до н. э.) — жрецы или «наставники»: трудности перевода и их преодоление // Прикосновение к вечности: Сборник статей. М., 2017; Ульянов М. Ю. Жрецы-музыканты *ши* 師 в царствах Восточной Азии периода Чуньцю (771—453 гг. до н.э.): общий обзор // Великий смысл врат в Сокровенное: Религии, философия и культура Китая. К 60-летию С. В. Филонова. М., 2022. Т. 1.

Изменения при дворе. «Массовая» школа, как и «дворцовая», создавалась для подготовки государственных служащих в гражданской сфере (военачальниками, видимо, еще длительное время оставались аристократы). В ней придавалось значение нормам поведения, основанным на представлениях об этике и морали, но не аристократии, а нового сословия — служилых. Ее учащиеся получали знания, которые готовили их для выполнения служебных обязанностей, а не для придворного обихода.

Хотя «массовая» школа возникла как альтернатива «дворцовой», она не была противопоставлена двору и не могла быть от него оторвана. Даже находясь вне структуры царского двора, «массовые» школы сохраняли с ним определенную связь: там служили отдельные учителя, там могли выстраивать свою карьеру бывшие однокашники; одни ко двору стремились, другие оттуда бежали. Став служащими далеко на периферии царства, чиновники должны были отчитываться перед вышестоящими, которые находились в столице царства.

Учителя «массовой» школы передавали часть знаний и навыков не только священнослужителей, но и царедворцев, ведь они готовили своих учеников к практической деятельности. Некоторые из них преподавали при дворе, куда попадали некоторые ученики, которые в случае успешной карьеры продвигались вверх по служебной лестнице. Кун-цзы в пору нахождения при дворе занимал высокие чиновничьи должности.

Увеличение при дворе служащих, окончивших «массовые» школы и занимавших должности независимо от знатности происхождения, привело к целому ряду культурных трансформаций двора, но не поколебало его значения. Выпускники новой школы наполняли двор новыми смыслами и идеями, например, рассуждая не только о том, как именно что-то делать, но и побуждая царедворцев задуматься о том, для чего им это делать и какие будут последствия для государства. Кроме того, они могли профессионально рассуждать о политике и управлении, чему их и обучали в школе Кун-цзы, а это увеличивало их ценность как управленцев и советников.

Учеба в «массовой» школе способствовала социализации учащихся, будущих служилых, расширяла социальные связи. Появление при одном дворе выпускников такой школы влияло и на расклад придворных политических сил: там, где ранее господствовали аристократические группировки, основанные на принципах родства, добавились и те, что были основаны на принципах землячества, соседства, обучения в одной школе, преданности одному патрону. Такие царедворцы оказывались более мобильными, чем привязанные к своему роду аристократы, могли легче переходить из одной группировки в другую, менять патронов, места службы, подниматься и опускаться по служебной лестнице.

Устойчивость «дворцовой» среды. В период Чуньцю двор монарха оставался культурным центром царства, дворы аристократов не могли составить ему конкуренции. Появление новой школы бросало вызов культуре монаршего двора. Учителя и ученики таких школ стали формировать свою культурную среду — «интеллектуальную», отличную от прежних, в ней не только передавались знания, но и появлялись и проявляли себя творцы культуры. И если при дворе это были безымянные поэты, музыканты, историографы (как миряне, так и представители жречества), то в «интеллектуальной» среде явилась новая фигура: мыслитель. Имена наиболее выдающихся из них сохранялись в письменной традиции и известны в настоящее время.

Появление при дворе служилых, среди которых были в том числе и мигранты из других царств, вело к большей открытости двора, что способствовало интеграционным процессам в культуре Восточной Азии.

В Чжаньго царский двор все более утрачивал монополию на создание культурных ценностей. А школы могли существовать как при дворе, так и обособленно, просто пользуясь его покровительством. Тем не менее в Чжаньго именно при дворе сохранялись наиболее благоприятные условия для деятельности «философов», что создало уникальные в китайской истории условия для развития общественной мысли.

Этот ее потенциал проявился еще при жизни Кун-цзы, а раскрылся в Чжаньго, когда процесс культурного развития шел наиболее стремительно. Выпускники «философских» школ различных направлений общественной мысли могли собираться при дворах государей наиболее могущественных царств, а затем и высших сановников и образовывать своего рода «академии». При таких дворах имелись идеальные условия для развития и сохранения научной мысли своего времени. Например, при дворе первого министра царства Чжао Люй Бу-вэя (呂不韋, 290?—235 до н. э.), где в конце периода Чжаньго был создан синтетический труд «Люй ши чунь цю» (呂氏春秋 «Вёсны и Осени» господина Люя»). Подобная структура сохранялась и в начале Западной Хань, достаточно вспомнить двор хуайнаньского вана из императорского рода Лю, при котором был создан «Хуайнань-цзы» (淮南子 «Философы из Хуайнани», ок. 139 до н. э.).

Тем не менее перед учителями и выпускниками всегда возникал вопрос: стремиться ко двору или бежать от него.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ УЧАЩИХСЯ, ЯЗЫК ПРЕПОДАВАНИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Учащиеся «массовых» школ отличались от учащихся «дворцовой» школы тем, что они являлись представителями разных слоев

общества, были выходцами из разных царств, не только из Лу. В отличие от аристократии, жизненный путь представителей новой социальной группы зависел уже не столько от знатности рода, места рождения, родовых связей, сколько от положения государя или патрона, на службе которого они состояли, земляческих связей и индивидуальных профессиональных качеств, основа которых закладывалась во время обучения в «массовых» школах.

Соответственно, характерной чертой новой школы был ее открытый характер: в одной и той же школе могли учиться представители различных социальных групп, которые к тому же были выходцами из разных царств. Соответственно, было необходимо учитывать различный культурный уровень учащихся, а также особенности их языков и диалектов, на которых они говорили в своих родных царствах.

По этой причине в школе царства Лу, где в обиходе был свой диалект, основные сочинения (Песни-*ши* — «Ши цзин», Записки-*шу* — «Шан шу» 尚書, «Книга документов», и Церемонии-*ли* — «Ли цзи» 禮記, «Записки об этикете»), как следует из «Лунь юя» (論語 «Беседы и суждения»), растолковывались на общераспространенном языке (*я янь* 雅言). В «Лунь юе» (7.18.) сказано:

Когда Учитель прибежал к нормативному языку? Когда говорил о «Стихах-ши» и «Записках-шу», когда совершал церемонии — всегда на нормативном языке.

子所雅言，詩、書、執禮，皆雅言也¹。

Преподавание велось не на местном диалекте, на котором говорили в Лу, а на языке, понятном выходцам из разных царств, которым, возможно, был язык чжоуского домена — сакрально-политического и культурного центра прошлого периода (Западное Чжоу), который большую часть периода Чуньцю сохранял свое значение². Соответственно, именно на таком языке говорили друг с другом представители интеллектуальной среды из разных царств, что способствовало усилению значения языка-посредника (видимо, аналога современного *путунхуа*) в различных культурных средах, а значит —

¹ Слова *я янь* 雅言 объясняются автором наиболее авторитетного современного комментария к памятнику Ян Бо-цзюнем (楊伯峻 1909—1992) как *тунсинде юйянь* (通行的語言, букв.: «общераспространенный язык»). См.: Лунь юй ичжу (論語譯注 / 楊伯峻譯注 «Беседы и суждения» с переводом на современный язык и комментариями / Пер. и коммент. Ян Бо-цзюня). Пекин, 2017. С. 71.

² Из самых известных учеников Кун-цзы из царства Лу 魯 было 34 человека, из Ци 齊 — 8, из Вэй 衛 — 7, из Чэнь 陳 — 3, из Чу 楚 — 3, из Цинь 秦 — 2, из Сун 宋, У 吳 и Чжэн 鄭 — по одному. См.: Куан Я-мин. Кун-цзы пинчжуань (匡亞明。孔子評傳 Критическая биография Конфуция). Нанкин, 1990. С. 321—332.

способствовало будущей культурной интеграции во всем регионе Восточная Азия.

Этот ее потенциал реализовался в период Чжаньго. Познавательная мобильность интеллектуалов стирала границы в плане принадлежности к культуре конкретного царства, принадлежности к одной школе и к культуре одной социальной группы. Социальная мобильность служилых и их умение общаться с властями предрешающими и не только с ними (речь про коммуникативные навыки в целом) стирали социальные границы, позволяли им занимать различное положение в социальной иерархии — от самых низких ступеней до очень высоких.

Все это вело к взаимному обогащению и «школ», и направлений общественной мысли, локализованных в разных царствах, способствовало синтезу идей. В целом, контакты интеллектуалов разных царств, их миграции, другие перемещения с дипломатическими, образовательными, познавательными и прочими целями, вели к расширению интеллектуальной среды. Это в свою очередь в значительной степени способствовало усилению центростремительных тенденций в Восточной Азии. В результате интеграционных процессов ускорялось и формирование единого культурного пространства в Восточной Азии, приводившего к культурному сближению населения бассейнов рек Хуанхэ (северян) и Янцзы (южан). При этом сближение происходило уже не так, как ранее, на уровне властных элит — выпускников «дворцовых» школ, носителей единой «чжоуской» культуры, но и на уровне «интеллектуалов» — выпускников «массовых» школ, носителей общей культуры (чиновничьей или философской), представителей различных социальных групп.

II. КУЛЬТУРНЫЙ СДВИГ: ПОЯВЛЕНИЕ «МАССОВОЙ» ШКОЛЫ И ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ

Важный вопрос: как появление «массовой» школы повлияло на культурный процесс в разных культурных средах.

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ УЧИТЕЛЯ ШКОЛЫ

В новой школе состав учителей и учеников был существенно расширен. Судя по упоминаниям в письменных памятниках, учителя таких школ могли быть разного социального происхождения. В период Чуньцю это еще имело значение, а в Чжаньго — уже нет: вы-

пускники школы, ставшие служилыми или мыслителями, принадлежали к различным социальным группам (например, считается, что Мо-цзы 墨子, 470—391 до н. э., был из числа ремесленников, возможно, плотник). В конце Чуньцю и на протяжении Чжаньго они являлись важнейшими участниками политических, социальных и культурных процессов.

В «храмовой» и «дворцовой» школе преподавание было стандартизированным, определялось традициями и ритуальными требованиями. Для их выпускников важен был сам факт обучения, их будущее было предопределено законами родового общества — знатностью, родовойостью, родством. Преподаватель «храмовой» и «дворцовой» школы был «функцией», он был обезличен; сложно сказать, кем он был — выходцем из аристократических кругов или же тем, кто их обслуживал. А поскольку в семьях знати практиковалось и домашнее образование, которое ориентировалось на программу «дворцовой» школы, то тогда учитель жил в доме родителей ученика или приходил к нему проводить индивидуальные занятия (как Кун-цзы в самом начале своего педагогического пути).

Преподаватель массовой школы не мог не быть индивидуальностью. Слишком многое зависело от его профессиональных и личностных качеств: существование школы, ее функционирование, судьбы учеников, их будущая карьера. Ведь школа могла перемещаться географически, менять покровителей, а если необходимо, то и существовать в чужом царстве.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОГРАММЕ ОБУЧЕНИЯ

Прямой предшественницей «массовой» школы как институции можно считать школу «дворцовую». Связь между ними вполне очевидна: о том, что «массовая» школа выросла из придворной, свидетельствует понятие «шесть искусств» (*лю и 六藝*), которым обучали и там и там. Но приоритетными в школе «массовой» были произведения школы «храмовой». И во всех трех школах обучение было основано на изучении текстов одних и тех же категорий, вошедших в сборники песенно-поэтических (*ши*) и прозаических (*шу*) сочинений.

И там и там к текстам *шу* могли относиться как к священной истории, но в «храмовой» среде акцент делали на первом слове в этом словосочетании, а во «дворцовой» — на втором (история).

В разных школах эти произведения изучались с различными целями. Для священнослужителей и придворных это были прежде всего литургические сочинения, для выпускников «массовых» школ — кладезь мудрости и памяти о прошлом, выдающиеся произведения словесности, в которых содержался необходимый массив аргументов

для убеждения собеседников при принятии решения. Наставники толковали и комментировали их содержание, исходя из приоритетов своей школы, а ученики, внимая словам учителей, усваивали заложенный в этих текстах социальный опыт.

В каждой школе использовали те произведения, которые соответствовали приоритету школы. Из «храмовой» в «массовую» школу пришло понимание важности литургических текстов и мантики; из «дворцовой» — внимание к церемониям, правилам и нормам поведения, умение ценить исторический опыт, навык изучения дворцовых песенно-поэтических произведений, которые были проникнуты идеями доблести, воинского братства, преданности государю и т. п.; из «общинной» — песни, которые, отличаясь простотой и искренностью, сопровождали различные обряды и исполнялись в различных ситуациях простыми людьми.

Обучение в «массовой» школе предполагало все больший прагматизм и десакрализацию знаний. В ней вне сакрального пространства храма и дворца происходила десакрализация текстов бывших литургических сочинений, но этот процесс не мог закончиться их полной секуляризацией, поскольку некоторые из них использовались во время религиозных церемоний (например, оды и гимны из «Ши цзина»). При этом в «массовой» школе упор делался на те произведения, которые так или иначе были связаны с демонстрацией того, что такое власть и каким должно быть управление.

Новая школа и познание мира. Задача «храмовой» и «дворцовой» школ заключалась не столько в том, чтобы порождать новые знания и представления, сколько в том, чтобы сохранять и передавать то, что уже было создано ранее. В «храмовой» среде много знали о мире, природе и обществе, но в ней познание было ограничено религиозными задачами. Чтобы знания, накопленные в этих двух школах, могли быть использованы для осмысления мира, было необходимо, чтобы они вышли за пределы «храмовой» и «дворцовой» сред. Этим условиям отвечала более открытая и доступная «массовая» школа.

Однако школа, в которой преобладала чиновничья составляющая, не пробуждала интереса к постижению тайн и законов природы, а была сосредоточена на социальной сфере. Сложившийся в этой школе инструментарий познания мира, во многом основанный на натурфилософии мантической по истокам «Книги перемен» («И цзина»), был ограничен. В этом истоки ограниченности конфуцианского направления в познании природы, что в период Чжаньго, впрочем, компенсировалось другими школами (например, естественнонаучными изысканиями поздних моистов)¹.

¹ Рыков С. Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций. М., 2012. С. 130.

А в «массовой» школе, особенно в ее второй ипостаси, «философской», возникали условия для развития философской мысли и рациональных знаний, поскольку она была нацелена на углубленное познание мира и социума и порождение новых знаний. Этот потенциал ее в полной мере раскрылся в период Чжаньго.

Сложные для восприятия темы. Некоторые темы, о которых говорил Кун-цзы, вызывали у учеников затруднения и непонимание. В «Ши цзи» (гл. 47) говорится:

Цзы-гун сказал: «То, что наш Учитель написал, мы можем постичь, но то, что он говорил о пути Неба и [человеческой] природе и судьбе, полностью постичь невозможно».

子貢曰：「夫子之文章，可得聞也。夫子言天道與性命，弗可得聞也已。」

Здесь противопоставляется написанное и сказанное. «Написанное» — это упомянутые письменные произведения, и они были доступны ученикам, а вот «сказанное» о мироустройстве (*тянь дао*) и о природе человека вне его социальной жизни оказывалось выше их понимания.

Это говорит о том, что в учении Кун-цзы времен его преподавания в школе имелась не только значительная этическая составляющая — назидания о должном (этика и церемониал), но и составляющая философская, которая не могла быть воспринята всеми его учениками.

В «Ши цзи» (гл. 47) также упоминается о том, чему Кун-цзы не учил:

«Учитель не говорил о *гуай* (сверхъестественном), о *ли* (применении силы), о *луань* (смутах), о *шэнь* (духах)».

子不語：怪，力，亂，神¹。

В сообщении «Лунь юя» о том, что Кун-цзы не говорил о духах, есть некоторое противоречие с частотой упоминаний *ли* — церемоний. Ведь многие из них были связаны с религиозной сферой и имели целью жертвоприношение духам. Получается, что процедура жертвоприношения становилась важнее того духа, которому оно было предназначено.

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ОСНОВНЫХ ЭТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

В «массовой» школе сменилась аудитория учащихся, поэтому потребовалось не только переработать литургические, исторические

¹ Эта фраза есть и в «Лунь юе» (7.21). См.: Лунь юй ичжу. С. 240.

и церемониальные сочинения, но и переосмыслить и наполнить их новыми смыслами и идеями — этическими и в определенной степени эстетическими (чему способствовали поэзия и музыка). Происходило изменение значений заложенных в учебные тексты этических категорий, что знаменовало собой разрыв, пусть и не полный, с архаикой, ценностями предыдущего исторического этапа. Внимание к вопросам не религиозной, а светской этики (возможно, вопреки желанию ее основателя) стало центральной частью воспитания учащихся.

В «массовых» школах этические категории, заимствованные из «дворцовой» среды, передавались в виде набора понятий, переработанного для служилых разных социальных групп, и каждая из них была существенно переосмыслена и обрела новое значение. Например, *дэ* 德 («благая сила»), прежде магическая сила государя, стала трактоваться как моральная составляющая человека¹; *цзюньцзы* — «благородный муж», ранее означавшее «государь», «человек благородного происхождения», теперь стало пониматься как идеальный образ, к которому надо стремиться. Понятие *и* (義 долг) ранее подразумевало выполнение долга перед сюзереном, теперь оно стало относиться к выполнению служебного долга. То же произошло со многими другими этическими категориями.

Изначально список основных понятий, в том числе этических категорий, и их толкование в школе Кун-цзы периода Чуньцю, вероятнее всего, не совпадал с тем, который утвердился в последующем в Чжаньго и особенно в Хань; так, при жизни сам Кун-цзы редко рассуждал о такой популярной впоследствии категории, как «человечность» (*жэнь* 仁).

В биографии Кун-цзы, которая сохранилась в «Ши цзи» (гл. 47), можно узнать, какие категории этики являлись приоритетными при обучении в ранней «массовой» школе и прививались будущим «служилым»:

Конфуций учил четырем вещам: *вэнь* (文 письменным памятникам), *син* (行 должным поступкам), *чжун* (忠 преданности) и *синь* (信 доверию).

Он предлагал покончить с *и* (意 предвзятыми мнениями), с *би* (必 упорством в преждевременных выводах), с *гу* (固 упрямством) и с *во* (我 эгоизмом).

¹ Существует несколько вариантов перевода каждого понятия. Так, А. М. Карапетьянц (1943—2021) переводил *дэ* как «одаренность», А. И. Кобзев — «благодать». Переводить ключевые понятия сложно в силу их глубины и многозначности, поэтому некоторые из них в научной литературе могут передаваться в транскрипции, в том числе и *дэ*.

Он учил быть внимательным к *чжай* (齋 соблюдению поста), к *чжань* (戰 военным делам), к *цзи* (疾 эпидемиям) ¹.

Учитель редко говорил о *ли* (利 выгоде), о *мин* (命 судьбе), о *жэнь* (仁 человечности).

孔子以四教：文，行，忠，信。絕四：毋意，毋必，毋固，毋我。所慎：齊，戰，疾。子罕言利與命與仁 ².

Это сообщение позволяет составить представление о теоретической составляющей содержания обучения в «массовой» школе Кун-цзы в годы ее создания.

На первом месте стоит слово *вэнь* — набор письменных произведений, которые были положены в основу обучения, направленного на то, чтобы воспитать в учащемся навыки должного поведения (*син* 行) в разных ситуациях, а не только во время церемоний. Далее упомянуты два существенных для служилого чиновничества этических понятия: «преданность», «доверие». В отличие от высшей знати, выпускники школы были преданы тому государю, которому служили в данный момент; новое понимание «преданности» (*чжун*) и «долга» (*и*), присущие их сословию, этому не препятствовали.

Затем приведены и противопоставляемые им четыре негативных понятия: «предвзятость», «упорство в преждевременных выводах», «упрямство», «эгоизм». Это то, что мешает как учебе, так и будущему служению.

Названные этические категории были заложены во все отобранные для школы письменные произведения. Например, есть сообщение «Ши цзи» (гл. 47) о «Ши цзине», в котором упоминается чувство долга (*и*) в контексте изучения песенно-поэтических произведений *ши* 詩, значительная часть которых сопровождала церемониал в «храмовой» и, реже, в «дворцовой» средах:

В древности существовало более трех тысяч *ши*; Кун-цзы, устраняя повторы, сохранял то, что можно применить в [обучении] церемониям и в [воспитании чувства] долга...

古者詩三千餘篇，及至孔子，去其重，取可施於禮義，上采契后稷，中述殷周之盛，至幽厲之缺。

Поскольку категория «долг», судя по числу упоминаний, часто обсуждалась в изначальной «массовой» школе, то скажем о ней немного больше. Эта категория рассматривалась на многочисленных примерах поведения исторических деятелей, упомянутых в «Чунь цю».

¹ Эта фраза есть и в «Лунь юе» (7.13). См.: Лунь юй ичжу. С. 68. Беседы и суждения Конфуция. СПб., 1999. С. 231.

² Эта фраза есть и в «Лунь юе» (7.21). См.: Лунь юй ичжу. С. 71. Беседы и суждения Конфуция. СПб., 1999. С. 240.

В биографии Кун-цзы из «Ши цзи» сказано:

В случае [если бы в Чуньцю было допущено] умаление и утрата [чувства] **долга**, то в будущем появились бы государи, которые ухватятся за это и станут руководствоваться этим. Если в **поступках** следовать [чувству] **долга**, в соответствии с Чуньцю, то в Поднебесной мятежные сановники и разбойники будут испытывать страх.

貶損之義，後有王者舉而開之。
春秋之義行，則天下亂臣賊子懼焉。

Здесь вновь названы две этические категории: следование долгу (*и* 義) и совершение должных поступков (*син* 行), которые, по-видимому, в «массовой» школе времен Кун-цзы занимали центральное место. В отличие от более позднего этапа развития конфуцианской мысли (например, Мэн-цзы), когда понятие «долг» было связано с категорией «ли» (利) выгода, которому оно противопоставлялось.

Обсуждая «Чунь цю», будущих управленцев можно было научить придерживаться этих двух категорий и предостеречь от пренебрежения ими. Неслучайно и то, что в «массовой» школе эти два понятия приведены вместе. Ведь «действия» высшей знати — основной социальной группы в управлении — в предыдущую, уходящую в то время эпоху были продиктованы нормами аристократической этики, которые не оставляли свободы действия: аристократ был обязан вести себя как должно, отвечая своей честью за честь всего рода (шире — клана). Его действия были ограничены не только нормами этикета, но и его собственной ментальностью, которая заставляла его действовать в узких сложившихся рамках, соответствовать требованиям своего сословия и преследовать интересы своего клана. С этой точки зрения аристократ — не личность, но своего рода сумма всех своих предков и родственников, он отвечает перед родом и за род, а уже затем — перед монархом и перед династией. А поскольку у аристократии и монарха общие предки, то в этом отношении монарх был для него таким же аристократом, как и он, следовательно, его место на престоле могло быть оспорено. При том любое колебание или сомнение рассматривалось как непростительная слабость; иначе говоря, аристократ — чаще всего человек действий, обусловленных нормами его среды, но никак не человек рефлексии со всеми ее сомнениями и колебаниями.

Для служилого «действие» и «долг» суть иное. Деяния служилого должны быть осознанны, он должен исходить из задач текущей ситуации и руководствоваться долгом, но его долг — это долг перед тем, кому он служит в настоящее время. И отличие его от аристократа в том, что служилый может поменять и место службы и того, кому он служит.

ИЗМЕНЕНИЯ В РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТОВОЙ СФЕРЕ

Управление и религиозная сфера. О религиозной сфере периода Чуньцю известно немного, еще меньше известно о том, какое место в отправлении государственных культов занимали выпускники «массовых» школ, особенно когда они получали назначения в местность, отдаленную от столицы. Во времена Кун-цзы и в последующем (в период Чжаньго) чиновники служили далеко не только при дворе родного царства, но и в провинции, зачастую в других царствах.

В царствах конца периода Чуньцю и в период Чжаньго менялся характер отношений между политическим центром и периферией, особенно там, где возникали новые единицы административно-территориального деления — ранние аналоги уездов. Складывались условия для централизации власти, предполагавшие установление административного контроля над ранее сравнительно автономными территориями или новыми землями, отторгнутыми от других царств.

Становилась все более ощутимой необходимость совершенствования системы управления — создания структур бюрократического аппарата, совершенствования системы сбора налогов и т. п. Все это предполагало большое участие служилых — пришлых управленцев в жизни местного социума, в том числе и культово-религиозной. В религиозной области (а значит — и идеологической) служилые распространяли и поддерживали официальную идеологию. Становясь чиновниками в провинции и обеспечивая управляемость ею, они выражали и отстаивали интересы центральной власти. Этим служилые отличались от аристократов предыдущего периода, которые властвовали в своих владениях автономно, создавая порой угрозу центральной власти, а в случае обострения отношений с центром могли отъехать в другое царство.

Государственные и локальные культы. Одновременно с расширением пространства прямого управления центральной власти распространялся основной государственный культ — культ почитания духов умерших государей правящей династии. Он же составлял сердцевину государственной идеологии и, следовательно, был одним из инструментов управления.

По-видимому, в начале периода Чуньцю, главное место в государстве, центром которого был двор, занимал культ основоположников чжоуской династии Цзи 姬: Вэнь-вана и У-вана, общечжоуских духов-покровителей и культурных героев. Но по мере ослабления влияния чжоуского домена значение этого общечжоуского культа падало (на что сетовал Кун-цзы), а значение культа местного (луского) их ответвления — Чжоу-гуна, основоположника луской династии и его потомков — усиливалось.

На всех ступенях общества отправлялся культ предков, и если на уровне государства церемониями руководил сам царь, то в семье и в роде — старшие мужчина или женщина. В рамках этого культа каждый, не являясь частью духовенства, потенциально мог выполнять жреческие функции. Требовалось только знать порядок проведения церемоний, правила жертвоприношений и пр. Представителей жречества за пределами столичного дворцово-храмового комплекса было немного, они были специализированы (например, при храмах предков влиятельных родов это *цзунжэнь* 宗人).

В землях царств периода Чуныцю были распространены также локальные культы почитания божеств (хтонических, стихий природы, явлений природы и пр.) и духов природных объектов (рек, гор, лесов и пр.), но они отправлялись на уровне местных общин, оставаясь на периферии религиозной жизни государства. А двор разве что обслуживал культы почитания духов священных пиков или больших и значимых рек. В общинной среде отправлением местных культов организовывали представители низового слоя локального жречества — ведуны (*у* 巫), которые отправляли культ местнотимых духов, покровителей общины и местности, выполняли экзорцистские и знахарские функции и пр.

Служилые как отправители государственного культа в провинции. Поскольку государственный культ должен был отправляться и в провинции, требовалось поручить его отправление представителям государя, которые были присланы или назначены из столицы, то есть «чиновникам». Служилые, независимо от их происхождения, попав на службу за пределы столицы, могли участвовать в отправлении различных локальных культов, чему способствовало действие культурного механизма «религиозно-философской дополнителности»¹.

Выстраивая структуры прямого управления в провинции, которые приходили на смену владениям аристократов, двор не стремился устанавливать свой контроль над всеми локальными культурами. Приоритетный характер оставался за теми из них, которые включались в число культов царства и отправлялись с участием государя или его доверенных людей. В новых условиях ими и были предста-

¹ Этот культурный феномен был описан Д. В. Деопиком применительно к странам Восточной и Юго-Восточной Азии, где распространен культ духов предков, в рамках которого сосуществуют «две-три модели восприятия мира, доминируя каждая в своей нише». И если это не районы, заселенные этническими китайцами, то «из китайской культуры будет взята только ее часть», а в целом «донорская ханьская модель оставалась чуждой этим обществам». См.: *Деопик Д. В.* Проблема сходства культур Вьетнама, Кореи и Японии // *Традиционный Вьетнам*. Вып. II. М., 1996. С. 43.

вители местного чиновничества — представители новых служилых кругов из числа выпускников «массовых» школ.

Такому их служению способствовал ряд обстоятельств. В «массовых» школах, где они обучались, как и ранее в школах «храмовых» и «дворцовых», для обучения использовались литургические произведения *шу* и *ши*; одновременно большое внимание уделялось также церемониям (*ли*) и музыке (*юэ*) — все они использовались во время совершения религиозных обрядов. Чиновники были знакомы и с порядком проведения ритуальных действий, и с содержанием сопровождавших их священных текстов, а отправляемые ими культы (например, духов-покровителей местности, духов-предков и пр.) не требовали специального, сугубо жреческого, посвящения. К тому же в школе их научили очень серьезно относиться к церемониям — и как к инструменту управления, и как к способу самосовершенствования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описание процессов в культурной сфере — одна из самых сложных задач исторической науки. Культурный процесс имеет много направлений, в том числе и соприкасающихся с политическими и социальными процессами. Собственно, «массовая» школа и возникла как форма адаптации школы как культурного и социального института к новым историческим условиям, возникшим во второй половине VI в. до н.э., в том числе, связанных с обучением представителей новой социальной группы — «служилых».

Появление «массовой» школы и «интеллектуальной» культурной среды стало возможным в результате синтеза достижений «храмовой», «дворцовой» и «общинной» культурных сред.

Возникновение «массовой» школы как «чиновничьей» стимулировало формирование еще более сложного культурного и социального института — «философской» школы. В обеих ипостасях «массовая» школа — результат обособления от высокосакрализованных «храмовой» и «дворцовой» культурных сред. Учителя «массовой» школы вначале, также как и учителя «дворцовых» и «храмовых» школ, стремились сохранить традицию и передать ее, но в реальности изменяли и развивали ее. И именно в «массовой» школе стали появляться мыслители, которые в своих размышлениях о мире все меньше зависели от сугубо религиозных представлений, все чаще стремились выйти из сферы мифического сознания в сферу рационального познания мира. Специфика направления, заданного школой Кунцзы, состоит в том, что она была в основном ориентирована на социальную сферу.

Благодаря возникновению «массовой» школы с этими ее двумя ипостасями появились новые условия обучения и новые направления деятельности ее выпускников. В Чжаньго «интеллектуальная» среда существовала независимо от «храмовой» и даже отчасти ее заменяла — чиновники должны были выполнять некоторые жреческие функции: принесение жертв и др. Она постепенно отдалялась от «дворцовой» среды, но при этом не обособлялась от нее и существовала в тесной связи с ней.

Появление «массовой» школы вело к значительным изменениям в сфере культуры. И поскольку Кун-цзы стоял у ее истоков, то традиция поставила его первым в ряду мыслителей древности. Его подход к отбору учебных произведений, который опирался на идеи правильного управления и социальной гармонии, оказался универсальным и исключительно жизнестойким, поэтому эти произведения получили широкое распространение не только в царствах *хуася* бассейна Хуанхэ, но и южнее, в бассейне Янцзы, в чуском и юэском культурных ареалах.

Культурные процессы периода Чуньцю, связанные с возникновением «массовой» школы, во многом предопределили возникновение уникальной ситуации периода Чжаньго, когда в IV—III вв. до н. э. «интеллектуальная» среда максимально расширилась, а общественная мысль достигла пика своего развития в древности. В периоды Цинь и Хань социальные и культурные условия изменились, и эти школы в основном исчезли, но появилась новая школа, «каноническая», которая не предполагала столь явного противопоставления чиновничьей и философской ипостасей. Она была больше привязана ко двору, но уже не монарха царства или локального государя, а монарха единой империи (со вт. пол. II в. до н. э.).

С точки зрения развития общественной мысли, безусловно, полицентризм Чжаньго был более продуктивен, чем моноцентризм Западной Хань. Ситуация Чжаньго ушла в прошлое после уничтожения владений сыновей первого императора и их ближайших потомков: например, владения Хуай-вана, где сохранялись компактные группы ученых — хранителей знаний и интеллектуальной традиции эпохи Чжаньго (ими был создан «Хуайнань-цзы»); тогда и начался новый этап развития китайской культуры.

M. Yu. Ulyanov.

**The «Common» School for the Training of official
in the Chunqiu Period (771—453 BC):
a characteristic in the Context of the cultural process.**

In this article, we systematize and summarize the previously obtained conclusions and observations regarding the development of the «school» as a social and cultural institution of one of the periods in the ancient history of China: Chunqiu (771—453 BC). The task is to characterize the new school, school, which was intended for the training of officials and was of a mass character. It replaced the «temple» and «palace» schools. Confucius (552—479) is considered its founder. We shall try to describe the cultural changes that took place during the transition from the Western Zhou (1027—771 BC) to Chunqiu and from Chunqiu to Zhangguo (453—221 BC).